ПАДЕНІЕ КАРСА

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ
М.Т. ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ.

Доз. Ценз. Москва Генвар. 26 д. 1879 г. Лит., А.В. Морозова въ Москвѣ.

ПАДЕНІЕ КАРСА

или

ТОРЖЕСТВО ХРИСТІАНСТВА.

ПАДЕНІЕ КАРСА

ИЛИ

ТОРЖЕСТВО ХРИСТІАНСТВА

НАДЪ

МАГОМЕТАНСТВОМЪ.

(Очеркъ изъ нынѣшней русско-турецкой войны.)

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Э. ЛИССНЕРЪ И Ю. РОМАНЪ, АРБАТЪ, ДОМЪ КАРИНСКОЙ.
1879.

Дозволено цензурою. Москва, 7 декабря, 1878 г.

9. 10078-38

Глава I.

—

Горы кругомъ. Вершины ихъ скрываются въ выси; не рѣдко ихъ выси большую часть года бываютъ покрыты снѣгомъ, который питаетъ безчисленные горные ручьи и рѣки, сбѣгающія въ Каспійское море. Отлогости горныхъ хребтовъ покрыты лѣсомъ, а сами горы, тянясь съ запада на востокъ, параллельными кряжами, то раздѣляются между собой крутыми оврагами, глубокими долинами, то связываются другъ съ другомъ каменистыми плоскими возвышенностями.

Горы, о которыхъ я говорю, представляютъ здѣсь самыя разнообразныя и фантастическія формы: онѣ то идутъ непрерывной цѣпью, то разрываются, то представляютъ отдѣльныя группы.

И природа въ этой странѣ, завися отъ климата, тоже очень разнообразна.

Въ долинахъ, гдѣ онѣ защищены отъ холодныхъ вѣтровъ, встрѣтите вы растенія тропическихъ странъ, а всходя на высоты, спутникъ постепенно переходитъ изъ одного климата въ другой, отъ тепла къ стужѣ и можетъ, наконецъ, достигнуть пояса вѣчныхъ снѣговъ въ то время, когда внизу все дышетъ лѣтнимъ яркимъ солнцемъ, когда отъ жары томится человѣкъ и звѣрь.

Въ этихъ горныхъ странахъ богата природа. По быстрымъ рѣкамъ стелются плодородныя долины, а крутыя скалы въ нѣдрахъ своихъ скрываютъ драгоцѣнные металлы и камни.

Но, читатель, ты спросишь меня, можетъ быть, о какой же говорю я землѣ?

Я говорю объ Арменіи, находящейся за южными склонами Кавказскаго хребта, гдѣ высятся высокія вершины Арарата и Эльбруса.

Было когда-то время, но уже давно, когда Арменія, находясь подъ сильной рукой древней Римской имперіи, составляла сильное и довольно цвѣтущее царство.

Здѣсь шли и превосходные пути мимо цвѣтущихъ торговыхъ городовъ, полныхъ жизни и довольства, а долины кишали многочисленными

селеніями, полными работающаго и трудолюбиваго люда.

Но кончилась сила римская; разрушилась грозная имперія, Арменія (на короткое время) стала свободной страной, были въ ней и сильные и воинственные правители, сила царства развивалась; но какъ всему бываетъ конецъ въ мірѣ, такъ со временемъ пало и цвѣтущее нѣкогда царство.

Само собой, что это совершилось не вдругъ, долго, постепенно, но все же сдѣлалось.

Арменія была завоевана турками.

Несчастная страна подпала подъ власть воинственнаго, полудикаго народа,—и должна была почувствовать тяжелую руку завоевателей.

Рабство было наложено на нее. Стала исчезать красота и сила ея.

И такъ было не съ одной съ ней, но и съ другими странами, куда только проникла турецкая нога, гдѣ трава подпала подъ копыто турецкаго коня.

Такова, видно, мертвящая и разрушающая сила турецкаго человѣка.

И въ настоящее время, когда природа Арменіи роскошна и богата, когда горы полны дра-

тадель. Какъ она, форты и стѣны, такъ и устроенные редуты были унизаны пушками и другими крѣпостными орудіями.

По виду крѣпости можно было сразу заключить, что она приведена на военное положеніе и готовится гордо встрѣтить подъ своими стѣнами непріятеля.

Дѣйствительно оно такъ и было. Уже съ мѣсяцъ прошло, какъ Россія объявила войну Турціи, вступаясь за угнетенныхъ болгарскихъ христіанъ, и ея войска съ двухъ сторонъ вступили въ предѣлы мусульманской имперіи, перейдя границу около половины апрѣля 1877 года.

При видѣ крѣпости, оба турка невольно заговорили о совершающихся событіяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

— Неужъ-то, снова первымъ заговорилъ Кондуховъ, москвиты могутъ завладѣть нашей крѣпостью?

— Все въ рукахъ Аллаха, отвѣчалъ Имбрагимъ.

— Но взгляни на эти стѣны и пушки, на горы, на которыхъ стоятъ онѣ.

— Онѣ были тѣже, что и въ прошлую войну нашу съ гяурами, а все таки они вошли въ Карсъ.

— Правда, но тогда былъ плохой у насъ муширъ, а теперь Мухтаръ-паша не таковъ...

— А все таки уходитъ съ правовѣрными назадъ.

— А знаешь ли, что поговариваютъ въ арміи про него?

— Что?

— Онъ хочетъ заманить гяуровъ въ горы, а тамъ окружить да выморить голодомъ.

— Дай-то Аллахъ правовѣрнымъ.

— Это говорятъ въ мечетяхъ и на площадяхъ наши муллы. Они, значитъ, знаютъ лучше насъ. Эхъ, Ибрагимъ, какъ послушаешь ихъ рѣчей, такъ, право, вѣрится, что мы одолѣемъ гяуровъ, и не видать имъ нашего Карса, какъ своихъ ушей.

— Поскорѣе бы только прогнать этихъ непрошенныхъ гостей.

— Еще бы! а что, я думаю, что тогда нашъ падишахъ сдѣлаетъ насъ, правовѣрныхъ, господами надъ проклятыми гяурами... О, вотъ тогда-то заживемъ мы, не по однимъ только бѣднымъ армянскимъ саклямъ будемъ собирать добро, а вездѣ, гдѣ захотимъ.

— О, еслибъ это исполнилось.

— Непремѣнно! гдѣ москвитамъ устоять противъ нашихъ? Говорятъ, падишахъ прислалъ въ армію прекрасныя пушки, собираетъ еще войско, поднимаетъ все мусульманство противъ гяуръ и твердо рѣшилъ наказать ихъ за дерзость.

И турокъ началъ хвастливо превозносить мусульманскія силы и грозить русскимъ. Оба они мало-по-малу такъ разгорячились, что попадись имъ въ эту минуту кто-нибудь изъ нашихъ, то навѣрно они не задумались бы наброситься на него.

И здѣсь кстати сказать, что при началѣ нынѣшней войны между турками существовало сильное возбужденіе противъ всѣхъ христіанъ, разжигаемое ихъ духовенствомъ; они были увѣрены въ своихъ силахъ и мечтали одолѣть ту грозу, которая повисла надъ ихъ головами.

Глава II.

Шумя и хвастаясь, они выѣхали на большую дорогу, гдѣ было оживленіе. По ней то тянулись арбы, запряженныя волами, везущими или провіантъ или боевые припасы, то взадъ и впередъ скакали нестройныя толпы курдовъ и черкесовъ, составлявшихъ турецкую кавалерію или виднѣлись проходящіе пѣхотные отряды низамовъ и мустагафизовъ.

Ибрагимъ и Кундуковъ съ трудомъ пробирались по дорогѣ среди воиновъ, задерживаемые то отрядомъ, то обозомъ.

Турецкіе воины шли молча; между ними не слышно было ни пѣсенъ ни веселой шутки или разговора. Большими шагами шагали они по каменистой дорогѣ, тихо скрываясь или въ горномъ проходѣ, или за стѣной города.

Они изображали изъ себя какихъ-то движущихся автоматовъ.

Наконецъ, два пріятеля достигли крѣпостныхъ воротъ и въѣхали въ городъ. Они вступили въ ту часть, которую исключительно населяли одни турки.

Во всю длину этого квартала шла широкая улица, довольно большая для восточнаго города, къ которой примыкали маленькіе, грязные, темные переулки. По обѣимъ сторонамъ улицы стояли небольшіе дома, плотно прилегающіе другъ къ другу, а дальше виднѣлись мечети. Въ каждомъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ, находились или лавочки или магазины. Тамъ продавались фрукты, рахатъ-лукумъ и другія восточныя сласти, кое-гдѣ видны были насыпанныя на полу кучки овса, ячменя и т. д.; за торговыми лавками помѣщалось множество мѣняльныхъ. Для непривычнаго лавки эти имѣли довольно странную форму. Онѣ походили на наши будки, которыя были открыты наружу фута на два или на три выше мостовой, довольно грязной и плохой; въ лавкахъ на полу виднѣлись разложенные товары и сидящіе, поджавъ ноги подъ себя, торговцы. Мѣнялы азіатскіе, одѣтые въ свои національные костюмы, сидѣли передъ своими деньгами.

Улица была оживлена, но самое большое оживленіе было на ея концѣ, когда она выходила на городскую торговую площадь, обстроенную лавками по сторонамъ; въ нихъ было замѣтно уже большее разнообразіе товаровъ, чѣмъ въ уличныхъ лавкахъ, тутъ были и ситцы, и холстъ, и ткани, и сукна; готовое платье, обувь, сбруя и т. д. Площадь кишала народомъ, въ самыхъ разнородныхъ и разнообразныхъ національныхъ костюмахъ. Тутъ встрѣчались типы различныхъ народностей и слышался говоръ на всевозможныхъ восточныхъ нарѣчіяхъ.

Въѣхавшіе турки повернули съ площади въ часть города, занимаемую армянами. Тутъ было больше движенія, чѣмъ въ турецкомъ кварталѣ, гдѣ повсюду бросалась въ глаза лѣнь и апатичность турокъ, но за то при видѣ всадниковъ, армяне спѣшили имъ очистить проходъ, низко кланялись по восточному обычаю, прижимая руки ко лбу, а турки презрительно и высокомѣрно поглядывали на христіанъ.

Вскорѣ они, завернувъ въ одинъ грязный переулокъ, остановились около одного дома.

Эта была невысокая армянская хата, съ плоской крышей, сдѣланной изъ земли и обмазанной

известью. На улицу, какъ и въ прочихъ мусульманскихъ домахъ, оконъ не было, они выходили на внутренній дворъ.

Привязавъ коней къ столбу, вбитому въ землю у входа въ саклю, Ибрагимъ сильно стукнулъ въ дверь. Прошло нѣсколько минутъ, пока она отворилась и на порогѣ показалась толстая фигура съ посѣдѣлой, вылезшей бородой, въ чалмѣ изъ грязной матеріи и такомъ же полосатомъ халатѣ, обутая въ дырявыя туфли, у которыхъ кверху подгибались крючкомъ носки. Лицо этой фигуры отличалось отъ турецкаго типа толстыми губами и слишкомъ ужъ выгнутымъ носомъ, напоминающимъ съ одной стороны клювъ хищной птицы, а съ другой еврейское происхожденіе.

Еврей молча далъ знакъ туркамъ идти за собой. Онъ ввелъ гостей въ невысокую комнату, устланную цыновками, сѣлъ на одну изъ нихъ, поджавъ подъ себя ноги, и указалъ мѣсто Ибрагиму и Кундухову.

Послѣдніе послѣдовали его примѣру. Хозяинъ хлопнулъ въ ладоши. Вошелъ, тощій на видъ, слуга, одѣтый какъ и хозяинъ. Онъ далъ ему знакъ принести что-то. Слуга быстро вышелъ, и

явясь чрезъ нѣсколько времени, онъ принесъ съ собой длинный кальянъ съ табакомъ.

Какъ въ своей одеждѣ, такъ и въ обычаяхъ восточные евреи нисколько не отличаются отъ турокъ, почему хозяинъ, отвѣдавъ табаку, подалъ кальянъ гостямъ. Когда онъ былъ конченъ, старикъ вопросительно посмотрѣлъ на нихъ.

Ибрагимъ сказалъ:

— Селимъ, что ты дашь намъ, если мы тебѣ скажемъ хорошую вѣсть.

— Какую? равнодушно молвилъ Селимъ.

— Вотъ какую, тамъ въ горахъ мы выглядѣли одну газель, которую едва-ли видывалъ и пророкъ Магометъ въ своемъ раю посреди славныхъ гурій.

— Ни піастра не дамъ, пока не увижу ее, тогда скажу, что стоитъ она и что можно заплатить за трудъ.

Турки поднялись на ноги.

— Въ такомъ случаѣ, Селимъ, прощай и да помилуетъ тебя Аллахъ; только не пѣняй уже послѣ, что мы, старые друзья твои, предложимъ наши руки другому, болѣе щедрому, чѣмъ ты, равнодушно добавилъ Ибрагимъ.

Они уже одной ногой хотѣли перешагнуть черезъ порогъ, какъ старикъ сказалъ:

— Не уходите!

Они остановились. Еврей продолжалъ:

— Дороже меня никто не платитъ вамъ, я хочу только видѣть газель.

— Идемъ съ нами, и мы укажемъ ее.

— Хорошо; но когда отправимся?

— Хоть завтра по утру.

Еврей согласился.

Теперь покороче познакомимся съ этими личностями.

Еврей былъ никто иной, какъ торговецъ невольницами. Нужно сказать, что въ Турціи законъ хотя и запрещаетъ оффиціально эту позорную операцію, но она производится тайно. Алчность, порокъ и сластолюбіе всегда умѣютъ находить средство обходить законъ, а тѣ, кто долженъ слѣдить за этимъ, по своему турецкому произволу, корыстолюбію смотритъ на это сквозь пальцы.

Старый еврей велъ изрядную торговлю невольницами, дѣйствуя при этомъ или обманомъ, или, пользуясь бѣдностью семьи, скупая молодыхъ женщинъ или, платя деньги шайкамъ грабителей, чрезъ нихъ уводилъ къ себѣ ихъ, а потомъ перепродавалъ въ другія руки или прямо въ гаремы.

Ибрагимъ и Кундуховъ принадлежали къ отъ-

явленнымъ негодлямъ. До открытія войны они служили въ турецкой арміи, но лишь она начала походъ, какъ они, тяготясь службой, сочли за лучшее бѣжать и мародерствовать въ странѣ, дѣйствуя за одно съ другими, подобными себѣ, людьми.

Пословица говоритъ, далеко рыбакъ видитъ другаго рыбака въ плесѣ, такъ случай свелъ ихъ съ евреемъ. Они поняли другъ друга, и теперь явились къ послѣднему съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Глава III.

Лѣтней порой въ тѣхъ странахъ не бываетъ ночи: вечерняя заря сходится съ зарей утренней, и вотъ въ эту-то пору изъ крѣпости выѣхали три всадника.

То были два мародера и Селимъ. На тощемъ ослѣ трусилъ онъ за ними: Но оставимъ пока въ сторонѣ ихъ и скажемъ о другихъ лицахъ, входящихъ въ дѣйствіе нашего разсказа.

Въ одной горной долинѣ, на берегу изъ притоковъ Арпачая, раскидывалось армянское село; оно утопало среди садовъ и виноградниковъ и вообще представляло довольно оживленный видъ. Въ верстѣ отъ него стоялъ одиноко хуторъ зажиточнаго армянина. Звали его Стамеро. Семья его состояла изъ сына, дочери — молодой дѣвушки и жены.

Наканунѣ того дня, когда мы видѣли Ибрагима съ его товарищемъ, направляющихся къ Карсу, око-

ло вечера въ домъ вошла его молоденькая дочь. Лицо ея было встревожено, въ очахъ отражался ужасъ. Мать первая замѣтила разстройство дочери.

— Что съ тобой, Гильза? спросила она дочь.

— О, мама, молвила она, едва переводя духъ: меня испугали турки...

— Какъ? гдѣ? испуганно проговорили всѣ.

Я пошла къ дядѣ Массо на село, но едва вышла на дорогу, какъ изъ-за холма откуда ни возьмись двое турокъ и пересѣкли мнѣ дорогу. Я не рѣшилась дальше идти, повернула назадъ, но и турки не отставали отъ меня. Я побѣжала, они за мной; я свернула въ лѣсъ и турки меня было потеряли, такъ-какъ были на коняхъ, я уже думала, что они совсѣмъ бросили меня, но едва показалась у нашей сакли, какъ они снова вынырнули, точно изъ воды, и я едва успѣла вскочить въ саклю.

Отецъ и сынъ переглянулись. Молча подошли къ стѣнѣ, гдѣ висѣли двѣ винтовки, взяли ихъ и быстро вышли вонъ.

Они недалеко отъ своей хаты увидали двухъ турокъ, разговаривавшихъ между собой. Отецъ и сынъ пошли на нихъ. При видѣ двухъ вооруженныхъ и смѣло идущихъ людей, турки не

заблагоразсудили дожидаться ихъ. Они повернули коней и поскакали прочь.

Отецъ и сынъ вернулись назадъ. Первый гордо сказалъ:

— Негодяи убѣжали отъ насъ, будь покойна, Марія; но съ этихъ поръ ты уже одна никуда не *будешь ходить, я или братъ твой будемъ провожать тебя.*

— Ахъ, отецъ, молвилъ сынъ: скоро ли къ намъ придетъ русъ и избавитъ насъ отъ турокъ, жду не дождусь.

— Я думаю, что они долго не заставятъ ждать себя, давай, Господь, чтобъ это случилось поскорѣе, я бывалъ у русскихъ и люблю ихъ страну, обиды тамъ нѣтъ такой, какъ здѣсь.

На этомъ такъ и покончился разговоръ, а на третьи сутки, подъ видомъ странника, въ ихъ домъ вошелъ Солиманъ. Онъ увидалъ дочь армянина, сразу оцѣнилъ ея красоту, и, уходя изъ сакли, мысленно взвѣшивалъ то, что прійдется заплатить за нее негодямъ и какой барышъ онъ получитъ послѣ этого.

Въ сосѣднемъ лѣсу еврей нашелъ Ибрагима съ *товарищемъ, долго съ ними торговался, наконецъ,* сошлись въ цѣнѣ, турки обѣщали привезти къ

нему красавицу и онъ, давъ имъ въ задатокъ, сѣлъ на своего осла и уѣхалъ, а плуты остались.

— Какъ, Ибрагимъ, ты думаешь сдѣлать дѣло? спросилъ Кундуховъ.

— Двоимъ намъ не осилить, нужно созвать товарищей; дѣлать нечего, а видно прійдется подѣлиться съ ними имуществомъ христіанина. Идемъ въ горы.

Вскорѣ два товарища скрылись за сосѣдними холмами.

Глава IV.

—

Между тѣмъ какъ тутъ происходила эта сцена, великія сцены разъигрывались въ этой части азіатской Арменіи.

Русскіе, вступивъ въ Азію, раздѣлились на три части и быстро стали тѣснить войска Мухтаръ-паши. Нашимъ вскорѣ удалось взять двѣ турецкія крѣпости и главныя русскія силы все ближе и ближе приближались къ Карсу. Передовые отряды нашихъ уже начинали дѣлать рекогносцировки подъ крѣпостью.

Между народомъ армянскаго племени только и слышалось: русь, русь пришла, пора спасенія отъ ига мусульманскаго настала. И христіане радовались успѣхамъ русскаго оружія, довѣрчиво принимали нашихъ и сравнивали обхожденіе съ ними русскихъ и турокъ.

Невыгодно было сравненіе для послѣднихъ: ибо изъ него вытекало, что на сторонѣ первыхъ была честность, доброта и правда, тогда какъ на сторонѣ послѣднихъ былъ произволъ и грабежъ.

Стояла ночь. Къ саклѣ нашего армянина, словно тѣни, скользили шесть турецкихъ бродягъ. Въ домѣ армянина, повидимому, было все тихо. Да оно такъ и выходило на дѣлѣ, но только онъ былъ не безъ сторожи. Съ тѣхъ поръ, какъ около него показались турки, отецъ и сынъ поперемѣнно находились на сторожѣ, а нѣсколько дворовыхъ псовъ чутко чуяли чужаго человѣка.

Турки были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, когда собаки, почуявъ ихъ, дико завыли.

— Проклятые псы, пробормоталъ Ибрагимъ, они откроютъ насъ.

— Не бѣда, молвилъ кто-то: мы передушимъ собакъ, перебьемъ армянъ, потому что ихъ всего двое, когда насъ цѣлое товарищество.

Вой собакъ разбудилъ и армянъ.

— Сынъ, молвилъ старикъ: намъ надо быть готовымъ.

— Я готовъ, отецъ, и проговоря, онъ вышелъ на дворъ.

**

Черезъ минуту послышался яростный лай собакъ, а за тѣмъ выстрѣлъ, и сынъ быстро вбѣжалъ въ саклю, въ сопровожденіи двухъ огромныхъ собакъ.

— Отецъ, крикнулъ онъ: на насъ напали... Чу! слышишь!

Въ это время на дворъ ворвались уже разбойники и сцѣпились съ собаками, которыя съ остервененіемъ схватились съ ними. Выпустивъ на помощь къ нимъ и вбѣжавшихъ собакъ, отецъ и сынъ, заперевъ двери сакли толстыми запорами, бросились на крышу съ ружьями въ рукахъ.

При свѣтлой, ясной ночи они увидали борьбу людей съ животными. Но перевѣсъ былъ на сторонѣ первыхъ: три собаки валялись уже съ распоротыми животами, издыхая въ предсмертныхъ судорогахъ. Отецъ и сынъ прицѣлились, раздались два выстрѣла, за ними послышалось проклятіе, стонъ, и два человѣка со стороны нападающихъ повалились на землю.

— Огня! запалимъ проклятую саклю! загремѣлъ голосъ Ибрагима.

Негодяи въ разсыпную подбѣжали къ стѣнамъ сакли. Еще минута и въ рукахъ ихъ вспыхнули пучки осмоленной соломы, которая заранѣе была принесена ими и которой они думали зажечь

домъ. Не смотря на частые выстрѣлы армянъ, изъ нападающихъ никто не былъ и задѣтъ въ это время, а къ несчастію первыхъ мѣткая пуля Кондухова перешибла колѣно старику, и онъ упалъ.

Минута была критическая. Сакля уже загоралась; разбойники уже выламывали дверь; ужасъ и страхъ уже охватилъ осажденныхъ какъ вдругъ раздался нашъ русскій казачій гикъ и на дворъ влетѣлъ десятокъ нашихъ храбрецовъ.

Не прошло и минуты, какъ почти всѣ бродяги уже валялись на травѣ, скрылся только ловкій Ибрагимъ. Казаки поспѣшили потушить огонь.

Семья на этотъ разъ была спасена.

Прибытіе неожиданной помощи объясняется очень просто. Казаки были на развѣдкахъ вблизи и привлеченные выстрѣлами, прискакали во время на помощь.

На утро мимо этихъ мѣстъ быстро отступали отряды Мухтара, преслѣдуемые нашими, за ними бѣжала большая часть мусульманскаго населенія, а армяне съ радостію выходили на встрѣчу русскимъ полкамъ.

Вскорѣ подошла и главная наша сила. Карсъ былъ обложенъ и началось бомбардированіе турецкой крѣпости.

Глава V.

На время армяне были покойны: русская сила оградила ихъ отъ турецкой неправды.

Но на войнѣ счастіе бываетъ измѣнчиво, такъ оно случилось и теперь.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ, христіанское населеніе ожидало нашествія турецкихъ воиновъ Мухтара.

А онъ не замедлилъ придти. Толпы дикихъ курдовъ, башибузуковъ и черкесовъ предшествовали ему, истребляя все, что попадалось подъ руку, мучая христіанъ за то радушіе, какое они оказывали русскимъ. Кто могъ, скрывался, кто не могъ, тотъ или гибнулъ, или подвергался самымъ тяжелымъ испытаніямъ. Еслибъ даже и хотѣли турецкіе военачальники удержать своихъ отъ неистовствъ, то не могли: ибо не умѣли

сдерживать дикія толпы степныхъ сыновъ Азіи, не видящихъ въ грабежѣ и убійствѣ ничего для себя позорнаго и къ тому же еще возбужденныхъ мусульманскимъ фанатизмомъ.

— Что ждетъ насъ? спрашивала семья у Массама: русь уходитъ, турки снова завладѣваютъ нами, они или перебьютъ насъ или отымутъ все имущество.

— Дѣти мои, уныло отвѣчалъ отецъ: правда, оставаться въ родныхъ мѣстахъ намъ не приходится, если хотите, то ступайте за русскими, но я останусь здѣсь, спрячу имущество, а когда минетъ грозная пора, вы вернитесь въ домъ свой и получите то, что будетъ схоронено.

— Не покинемъ мы тебя, твердо рѣшила вся семья.

Подумавъ, старикъ отвѣчалъ:

— А когда такъ, то вотъ что я надумалъ: мы со всѣмъ добромъ уйдемъ въ Карсъ, тамъ, авось, переживемъ трудное время и насъ не обидятъ, вѣдь мы ничего не сдѣлали дурнаго.

Всѣ согласились, и армянская семья перебралась въ городъ.

Не смотря на свой достатокъ, армянинъ выбралъ себѣ квартиру въ одномъ изъ самыхъ

темныхъ и глухихъ переулковъ армянскаго предмѣстья, и вся она рѣдко оставляла домъ.

Это было по той благоразумной причинѣ, что все мусульманское населеніе съ отступленіемъ русскихъ и вступленіемъ въ Карсъ Мухтаръ-паши возликовало, оно болѣе подняло голову и съ бо́льшимъ презрѣніемъ стало смотрѣть на христіанъ, оскорбляя ихъ при встрѣчѣ чуть не на каждомъ шагу, даже магометанскіе ребята и тѣ, подражая взрослымъ, не давали покоя, гяурамъ, какъ они называли армянъ.

Нашъ господинъ Мухтаръ побѣдилъ москвитовъ, раздавалось вездѣ: кто противъ насъ и нашего пади-шаха! кричали другіе,—мы прогонимъ русь! ревѣли другіе и все ликовало, все радовалось, все издѣвалось надъ христіанами. Мухтаръ былъ прозванъ *гази*, что значитъ побѣдоносный.

Съ торжествомъ онъ двинулся отъ Карса впередъ къ нашимъ границамъ и занялъ на Алажскомъ хребтѣ неприступныя позиціи.

— Меня не одолѣть! мнилось турецкому генералу, не видать русскимъ Карса, какъ своихъ ушей, не справиться имъ съ моей мусульманской силой... Торжествуй гиламъ, радуйся падишахъ,

тѣнь Бога, царь царей, твой генералъ разгромитъ дерзкаго врага.

Въ такомъ ликованьи прошло все то время, пока подходили къ нашимъ подкрѣпленія и пока не начались русскія движенія противъ укрѣпленныхъ турецкихъ позицій на горахъ; а въ это время съ семействомъ армянина тоже произошла не малая перемѣна.

Остерегаясь оскорбленій и рѣдко выходя по этому изъ дома, онъ случайно былъ встрѣченъ бродягой Ибрагимомъ. При видѣ старика бездѣльникъ задрожалъ отъ радости. Месть за понесенную имъ неудачу, изрубленныхъ товарищей и мысль завладѣть красивой дѣвушкой взволновала его.

— А, попался, гяуръ, подумалъ онъ? и клянусь бородой пророка, на этотъ разъ ты уже не спасешься отъ правовѣрнаго.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ уже былъ въ саклѣ Селима и говорилъ:

— Ну, старина, газель попалась.

— Какая газель?

— А помнишь, за которую поплатились головами мои товарищи.

— Не думаешь ли ты и со мной повторить теперь эту штуку?

— Не говори пустаго, армянка въ городѣ и теперь она въ моихъ рукахъ.

— Но какъ же ты приведешь ее ко мнѣ?

— Это мое дѣло, а теперь уплачивай положенную плату.

— Ну, этому не бывать.

— Такъ я отвезу ее къ другому въ рабство.

— А шайтанъ съ ней! Теперь, благодаря побѣдоносному муширу, каждый день приводятъ толпами сюда женщинъ курдскіе храбрые воины. Хочешь, пожалуй, я половину тебѣ выдамъ.

— Нѣтъ!

— Такъ ступай, куда знаешь.

Разбойникъ сжалъ рукоятку своего кинжала *и съ минуту угрюмо и свирѣпо глядѣлъ на него*, но потомъ, какъ бы одумавшись, сказалъ:

— Чертъ съ тобой, согласенъ.

На другой день онъ отправился къ турецкому судьѣ и обвинялъ стараго армянина въ измѣнѣ, преданности русскимъ и посягательствѣ на жизнь магометанина. Это случилось въ тотъ славный день, 3-го ноября, когда русскія войска напали на послѣднія позиціи турокъ на горѣ

Авліарѣ, и въ то время, когда наши побѣдоносно заняли высоту, а разбитый на голову побѣдоносный Мухтаръ-паша стремительно бросился бѣжать по направленію къ Карсу, тогда арестованныхъ армянъ, отца и сына, судья допрашивалъ во взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ.

Несчастные увѣряли, что они ни въ чемъ не виновны.

— Укажите свидѣтелей, мудро произнесъ турецкій судья.

— Спроси, господинъ, о насъ сосѣдей.

— А кто они: мусульмане, или христіане?

— Христіане.

А васъ обвиняетъ мусульманинъ, ему, по закону, и вѣра.

Несчастные повѣсили головы. Судья продолжалъ:

— Вы подвергнетесь смертной казни, а имущество отберется.

Ихъ вывели и бросили въ тюрьму.

Еще не свѣтало, когда въ дверь сакли, гдѣ остались жена и дочь армянина, кто-то постучался. Мать и дочь не спали. При первомъ стукѣ онѣ почувствовали что-то недоброе.

— Не отворяй, мама! пороговорила дочь.

Но послышался сильный толчекъ въ дверь,

она слетѣла съ крючьевъ и въ саклю ворвался Ибрагимъ. Какъ тигръ, онъ набросился на молодую дѣвушку, мигомъ завязалъ ей ротъ и потащилъ изъ комнаты.

Мать было бросилась защищать дочь, но сильный ударъ ошеломилъ ее и повалилъ на землю.

Въ то время, когда онъ выбѣгалъ съ своей жертвой на улицу, въ городъ съ остатками своего разбитаго войска, большая часть котораго сдалась русскимъ, входилъ Мухтаръ. Вѣсть о его разбитіи, еще до его вступленія, облетѣла городъ. Все заволновалось. Ибрагимъ съ трудомъ пробирался сквозь толпу, не обращавшую на него никакого вниманія.

Селима онъ встрѣтилъ на пути.

— Вотъ та, которую я обѣщалъ отдать тебѣ.

— Эхъ, не во время; что я стану дѣлать съ ней, наши побиты, кто въ такое время купитъ ее — убытокъ.

— Я сдѣлалъ свое дѣло, что хочешь, то и дѣлай, додавай остальные піастры, а не то...

И онъ до половины вытащилъ изъ ноженъ кинжалъ. Подумалъ Селимъ, вынулъ деньги и отвелъ домой христіанку.

А въ это время уныніе и страхъ все больше

и больше овладѣвали мусульманскимъ населеніемъ, тогда какъ христіане съ затаенной радостью передавали о пораженіи турокъ.

Куда теперь дѣвалось и турецкое самохвальство, повѣсили османы головы и словно ошпаренные кипяткомъ, бродили по улицамъ.

Мухтаръ не останавливался въ крѣпости а, поручивъ гарнизону защищать ее, побѣжалъ дальше.

И вскорѣ русскія силы снова обложили гордый Карсъ. Потребовали сдачи. Комендантъ отказался. Тогда началась осада крѣпости.

— Авось, отсидятся наши воины, думалъ Селимъ, и тогда я, быть можетъ, наверстаю то, что стоитъ мнѣ эта христіанка, — а ну, какъ нѣтъ? Тогда пропали мои піастры и она будетъ свободна... вотъ судьба-то, кто это ожидалъ.

Между тѣмъ какъ продолжалась осада Карса, генералы Тергукасовъ и Гейманъ вновь разбили Мухтара и Измаилъ-пашу, соединившагося съ нимъ, а затѣмъ былъ рѣшенъ штурмъ карсскихъ укрѣпленій.

Настало 6-е ноября. Въ восемь часовъ вечера двинулись на приступъ три аттакующія колонны, подъ начальствомъ генераловъ Лазарева, графа Граббе, Комарова и Роопа. Къ утру слѣдующаго дня

русскія знамена уже развѣвались надъ сильной турецкой крѣпостью. Турки въ страхѣ бѣжали. Весь городъ и крѣпость со всѣмъ, что въ нихъ было: пушками, снарядами и то достались славнымъ побѣдителямъ. Русское «ура» гремѣло въ воздухѣ. Опустили головы турки, горевалъ Селимъ, но за то вышла на свободу армянка и ея семья.

И палъ крѣпкій Карсъ, завѣяли надъ его твердынями христіанскія русскія знамена, сокрушена была въ немъ самонадѣянная мусульманская гордость, и, можетъ быть, для этой страны наступаетъ съ этого момента эпоха возрожденія, новой жизни и славы. И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такъ долго царилъ произволъ и неправда, свѣтъ тонулъ въ тьмѣ, вновь возникнетъ давно прошедшая лучшая жизнь, но обновленная, и вновь водрузится святой крестъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такъ долго былъ онъ въ униженіи.

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЕ

А. В.

МОРОЗОВА

у негоже можно получять

КАРТИНЫ

соб. изд. Разнаго достоинства

ЛАВКА

на никольской улицѣ въ зданіи цер.

Владимерскои. Бож. матери

Литографія

въ мало-кисельнымъ переу. соб. д.

въ

МОСКВѢ

Печатан. въ Литографіи А. В. Морозова.